

Хайриддин СУЛТАН ПЛАСТИНКА

Посвящаю Низаму Камилову

Мой трехлетний сынишка сломал ногу.

Мы поохали, побранились, затем отвезли его к врачу и привезли обратно в гипсе. Мальчик оказался запертым в доме: ни тебе садика, ни друзей, игрушек – навалом, только все они уже надоели. А спускаться во двор с восьмого этажа тоже нелегко. И сынишка мой сильно заскучал, по словам жены, по сто раз в день задавал один и тот же вопрос: «Когда придет мой папа?»

И вот, вечером, возвратившись с работы, я нажимаю кнопку звонка. И в тот же миг изнутри доносится другой звонок – это сынишка, волоча загипсованную ножку, подходит к порогу (кто знает, а может, он весь день там и сидел) и, задышавшись, радостно начинает кричать: «Мой папа! Мой папа пришел! Мама, папа пришел, откройте!» И если мама хоть на минутку замешкается, он начинает кричать на нее: «Откройте, откройте, почему же вы не открываете?!»

Едва открывается дверь, он кидается мне на грудь. Мы входим в квартиру. Я еще не успеваю переодеться, а он уже настойчиво торопит:

– Папа, почитайте мне мою книжку!

Мы с женой переглядываемся и смеемся. Он взглядывает на нас вытаращенными глазенками и, сунув под мышку свою «книжку», начинает карабкаться на стул. Прикрикивая на него, я поднимаю его на вытянутых руках. Он кладет обе ручонки мне на плечи и повторяет настойчиво:

– Прочитайте!

– Оббо! Опять начинаешь? – со смехом говорит мама. – Не спеши, пускай папа твой сперва хоть чаю выпьет. Ой, читатель ты мой!

Сынишка, не обращая на нее ни малейшего внимания, сует мне в руку свою «книжку». Эта его «книжка» – альбом. Красочный альбом Чингиза Ахмарова «Восточные образы», изданный в Москве. В тот день, когда он сломал ногу, жена, оказывается, чтобы как-то утешить его, дала ему среди других книг и этот альбом, и с тех пор он считает его своим. И вот уже почти две недели мы с ним вместе читаем эту «книжку». Интересное у нас получается чтение: в начале альбома имеется кратенькое предисловие да подписи под рисунками в несколько слов, и всё. И я, глядя на эти рисунки, «читаю», то есть сочиняю по-своему рассказ или сказку какую. Например, открыв страницу, на которой изображен караван-баши – начальник каравана – я начинаю примерно так: «Было, не было, жил-был в стародавние времена один мудрый старец. И был у него чудесный верблюд. И вот однажды, когда он ехал на своем верблюде, то вдруг заблудился...»

– А потом? – спрашивает сынишка.

– Потом... пошли, сынок, давай-ка выпьем чаю, вон мама нас зовет.

– Ну, а потом? – нетерпеливо повторяет он.

– Эй! – говорю я, не находя ответа. – Потом... – «Как хорошо было бы, если бы в чертову башку пришла идея потолковее!» – Потом мудрый старец стал искать свой дом, заставляя верблюда бежать. Вот, видишь, верблюд бежит.

– А почему он заблудился? – Широко раскрыв глазенки, сынишка смотрит на меня.

Почувствовав, что наступило время воспитательного вывода, я назидательно продолжаю:

– Потому что он не ел, оказывается. Вот, кто не ест, тот вот так сбивается с пути.

– А потом?

– Потом плачет, не в силах отыскать свой дом.

– Остыло ведь уже всё, идите, – говорит жена.

– Пошли, сынок.

– А потом что делал мудрый старец?

– Потом он нашел свой дом, достиг цели. Ну-ка, вставай, сынок.

Сынишка поспешно переворачивает страницу:

– Прочитайте вот это.

– Ладно, только сначала давай-ка поедим. Ну, пойдем же.

Но и на кухне он кладет перед собой «книжку»:

– Читайте.

– Ну, это – Фархад. Богатырь, сильный парень. Вон у него и кирка есть. Он ею камни рубит, видишь? А эта девушка, верхом на коне – Ширин.

– А почему она на коне, папа?

– Храбрая, стало быть, сынок. Ешь, только не пролей. Вот Ширин здорова-ется с Фархадом.

– А потом?

– Оббо! Эти твои «а потом» словно зараза, ты ведь совсем отца замучил! Ешь лучше, – бранит его мама.

– А потом, говорю! – кричит сынишка, рассердившись.

...И ночью покоя нет: лягу в постель, только задремлю, а он опять сует свою «книжку»: «Почитайте», «А потом?» И я сочиняю до тех пор, пока не перестает варить голова. А он прочно запоминает услышанные «рассказы» и, если я путаю хоть одно слово, он сердится, словно я совершил измену. «Не так! Так не пойдет!» – кричит он до сердцебиения. «А как было, пострел?» – спрашиваю я, еле сдерживая смех и в то же время выходя из себя. «Надо говорить: “В стародавние времена...”» – говорит он сквозь слезы.

От моих небылиц он требует глубокого реализма.

Сперва эти капризы я относил на счет его болезни, однако шли дни и, увидев, что он всё сильнее привязывается к своей «книжке», я дивился. Ему совсем не скучно часами рассматривать картинки в альбоме, только при этом я должен сидеть рядом и беспрерывно сочинять. Порой я поздно прихожу с работы: то собрались на собрании все как на подбор многословные ораторы, то становится много встречающих в очередь без очереди, то вдруг тщетно ожида-ешь лживого трамвая. Спеша, поднимаюсь на восьмой этаж и, едва вхожу в квартиру, встречаюсь с сердитым взглядом сынишки.

– Почему вы... почему вы, – черные его глазенки полны слёз, – почему вы играете вечно со своими друзьями, а не приходите?

Развязывая шнурки туфель, я открываю рот от изумления. А сынишка стоит напротив меня, прислонившись к стене, и ждет ответа на свой вопрос.

– Ага, мама твоя здорово тебя подучила, – говорю я со смехом.

– Где там, – говорит жена, приоткрыв дверь кухни, – он в этом вовсе не нуждается. Я и сама обалдела от этих его слов.

Я беру сынишку на руки. Он сердито вырывается, отворачивает лицо и с обидой повторяет свой оставшийся без ответа вопрос:

– Почему вы... почему вы со своими друзьями?..

– А почему ты... почему ты зикаешься? – говорю я, допекая его.

Он не умеет выговорить слово «зикаюсь» и произносит вместо этого «зи-каюсь».

– Сами ни зикайтесь! – говорит он с еще большей обидой и начинает реветь.

Мы с трудом успокаиваем его, пообещав почитать «книжку».

И сегодня, как назло, я пришел поздно. Протянул руку к кнопке звонка, а сердце екнуло: «Сейчас будет плакать». Раздался звонок. Странно, за дверью голоса сынишки не послышалось. Я снова нажал на кнопку. И опять тишина. Я в третий раз нажал на кнопку, долго не отрывал руки и, потеряв всякое терпение, хотел было вставить свой ключ в замочную скважину, как дверь отворилась и на пороге показалась жена с руками, вымазанными тестом.

– Дверь на кухню была закрыта, и я не слышала, – сказала она.

Коридор, каждый день усыпанный игрушками сына, на этот раз был аккуратно прибран.

– А где Бехзад? – оторопело спросил я.

– Дома.

– Спит, что ли?

– Нет. – Жена виновато пожала плечами и направилась в большую комнату. – Сидел играл. Сколько раз говорила, не трогай, куда там... Таким непослушным становится этот ваш...

А «этот мой» сидел посреди большой, светлой комнаты и такое там сотворил, что когда я вошел, то от изумления чуть чувств не лишился. В левом углу комнаты стояло трюмо, на его полке мы хранили пластинки. Сынишка вытащил все пластинки из конвертов и выложил из них посреди комнаты длинную дорожку в форме буквы «П»: большие диски – с одной стороны, маленькие – с другой. Сам же он сидел на стуле, который четырьмя своими ножками опирался на пластинки, а в руке у него была еще одна пластинка, которую он крутил, словно руль. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил ни моего прихода, ни пристального взгляда. А на полу валялись песни радости и печали, музыка веков. Я тихонько опустился на колени. Песни хафиза Муллы Туйчи, симфонии Бетховена, романсы Рахманинова, Батыр Закиров, Лата Мангешкар, Берта Давыдова... А трехлетний мальчишка, с ножкой, стиснутой гипсом, лепеча, «вел машину» по этим волшебным мелодиям Востока и Запада, и всякий раз, когда он продвигался вперед, волоча стул... пластинки с хрустом ломались.

– Бехзад!

Он обернулся и взглянул на меня.

– Папа! – только сказал он и продолжал свою работу.

– Что ты наделал, сынок, ну что ты наделал? – сдавленным голосом произнес я.

Жена, свечой застывшая за моей спиной, поспешно заговорила:

– Я хотела у него отобрать, а он в крик, по полу катается, кричит: «не подходи». Я испугалась, как бы нога опять...

– Папа, это поезд, – сказал Бехзад, указав на пластинки. – Сейчас он поедет, а?

– Да, – растерянно ответил я. – Он уже ушел... давно. – Затем я посмотрел на жену: – Ведь он их все поломаёт, а?

– А вы обманите его как-нибудь и отберите, – сказала жена. – Вам он уступит.

– Бехзад, – сказал я задумчиво. – Хочешь, я отнесу тебя на улицу?

– Нет, – ответил он быстро. – Я ведь веду поезд, вот, вот...

– Пойдем тогда я почитаю тебе твою книжку. Ну, про мудрого старца, а?

Он хотел было повернуться ко мне, и под его ногой хрустнула еще одна пластинка.

– Встань! Это ведь пластинки, сумасшедший!

Он уставился на меня с безграничным изумлением.

— Это ведь поезд, — сказал он. — Вот смотрите, как он идет: «гуп-пиш, гуп-пиш»!

— Ладно, пусть успокоится, — сказала жена, достав закатившуюся под диван пластинку и протягивая ее мне. — Не то до самого утра будет плакать.

— Да ведь он все их переломает, — сказал я, покачивая головой и внимательно рассматривая пластинку: это был отрывок из «Тихого Дона» Шолохова, в исполнении самого автора. По крайней мере хоть бы эта осталась целой! В этот момент взгляд сынишки внезапно упал на меня, и губы его задрожали...

— На, на, возьми, только не реви, — поспешно сказал я.

— А ты бы сказал папе, мол, когда ты был таким, как я, сколько ты пластинок сломал, — сказала жена, немножко воспрянув духом.

— Когда я был таким, как ты, я не только пластинки, но даже пиалушки не сломал.

И это была сущая правда. Во времена моего детства у нас в доме вообще не было пластинок. Я смутно помню: в нише стоял старенький радиоприемник «Волхов», похожий на маленький сундучок. Сначала он работал отлично, а потом, видимо, испортился и очутился на чердаке, среди всякого хлама. Порой, часами просиживая на крыше, я заглядывал в дырочки на его задней стенке, вовсю пытаясь разглядеть там крошечных человечков. Ибо я думал, что внутри его находятся маленькие человечки, которые поют песни, разговаривают. Только потом я узнал...

Когда был студентом выпускного курса, то тоже заимел магнитофон. Купил я его на деньги, заработанные в стройотряде. И мне почудилось, что с того самого дня я должен буду стать счастливым. Но, к сожалению, этого не случилось. Напротив, прошло совсем немного времени, и я понял, что оказался гораздо несчастнее, чем в те времена, когда у меня не было магнитофона. Единственным моим благим делом было то, что я решился записать голос своей девяностопестилетней бабушки. Однажды незаметно для нее я включил магнитофон на запись и потихоньку вызвал ее на разговор: расспросил ее о нашей родне, соседях, о ее правнуках и правнучках, о каждом в отдельности. О необычайной остроте бабушкиной памяти можно судить хотя бы по тому, что она знала, как свои пять пальцев, год, день рождения, — также в летоисчислении по животному циклу, — всех своих тридцати восьми правнуков и правнучек и обстоятельства, при которых они появились на свет: «Да, тридцать третий год, в конце чилля, второго февраля у зятя Малика появился двадцатый, я месила тесто после полудня, а гут вдруг пришла Рахбар-хола за сунюччи». Записав, я дал послушать ей собственный голос. Очень она тогда изумилась.

Спустя немного времени после этого бабушка умерла. И вот как-то вечером, когда закончился траур и в доме остались только самые близкие родственники, я включил магнитофон. Тут поднялся шум-гам, плач, рыдания — словно бабушка умерла вторично... Постепенно мама моя привыкла и время от времени решалась послушать ту кассету. Сидела и молча слушала, а из глаз градом катились слезы. Странно ведь, если вдуматься: человек мертв, тело его давно обратилось в прах, а голос звучит так, словно он стоит перед вами... Нет, всё равно уму непостижимо!

Не знаю, может, на любителя, но как бы там ни было, в те времена среди молодежи огромной популярностью пользовался ансамбль «Бони-М», и однажды, поздним летним вечером, я лежал в постели и тихонько слушал радио, как вдруг стали передавать концерт этого ансамбля. Я поспешно схватил с полки кассету, вставил в магнитофон и записал. Пока записывал, то выделял разные па прямо на кровати под эти непонятные мелодии и слова, затем проверил запись, успокоился и уснул.

Проснувшись утром, я глазам своим не поверил: вчера в темноте впопыхах я, оказывается, записал «Бони-М» на ту кассету, на которой был записан голос моей покойной бабушки! Ясные, чистые, простые слова бедной бабушки начисто стер шум чужеземных напевов, как взбесившаяся волна смыывает песок на безлюдном берегу. Не знаю, сколько времени я мучился: куда бы ни пошел, где бы ни был, я везде ощущал на себе ласковый бабушкин взгляд, и над моим ухом как будто обиженно звучал теперь уж невозвратный родной ее голос. Я огорчился, терзался, горевал, но увы... А самое худшее, когда мама узнала об этом, то не сказала ни слова. Молча, опустив голову, пошла на кухню. Я тихонько взглянул в окно: мама спускалась по ступенькам, вытирая краешком подола ресницы. Быть может, она бранила меня, ладно, пусть бы лучше бранила, быть может, боль моя утихла бы немного? Теперь уж не услышать нам голоса моей бедной бабушки – почтенной моей бабушки, умершей на девяносто шестом году жизни...

– Да ведь он уснул, – сказала жена.

Сынишка мой, сладкий, упрямый трехлетний сынишка со сломанной ножкой, тихонько посапывая, спал посреди «осколков музыкальной культуры». Губы его были крепко поджаты, как будто он и во сне с кем-то ссорился.

Я отнес «хромого завоевателя», уложил его в кроватку, а затем, опустившись на колени, отделил целые пластинки от осколков. Ребенок и впрямь – царь и бог. Вот настоял на своем, сделал всё по-своему. Дети – наша боль, наша любовь, наша душа. И, может быть, поэтому я сегодня не смог резко поговорить с сыном? Быть может, придет время, и эти горькие упреки, которые я не смог бросить сегодня сыну, я выскажу своему внуку?

Сынишка мой еще слишком мал, ему исполнилось недавно только три годика. Когда-нибудь он подрастет, наберется ума-разума. Вспомнит ли он тогда свои детские шалости? Не пожалеет ли он о разбитых вещах, которые растравили мне душу?

Если не пожалеет, тогда об этом горько пожалею я...

Перевод А. Атакузиева

Иллюстрация создана с помощью искусственного интеллекта.